

Я знаю это. Абсолютно точно. Именно здесь. Именно в этом месте, в городе М, на улице Калиновского, названной по фамилии великого борца за свободу, в доме номер 73, корпус один, квартире двадцать один, центр мира. Раньше здесь, напротив моего окна, стояло два тополя. Один старый, другой относительно молодой, посаженный лет десять назад. Но неделю назад во время страшной июльской бури старший тополь сломало ветром, он упал прямо на улицу, где обычно бегали дети. Потом приехали рабочие и убрали его. Впрочем, я ни о чем не жалею, скамейку стало видно больше. Я еще помню, как она стояла с облупившейся краской и сломанной, полусгнившей посередине доской. Но второго апреля, как раз после праздника смеха, будто в насмешку, пришли рабочие. Починили ее и покрасили в празднично-торжественный цвет. И заново родившаяся скамейка просто преобразила мир. Тут сразу же стали собираться мои друзья. Может не друзья, но молодые и не очень мужчины стали постоянно собираться ближе к вечеру, выпивать и громко разговаривать. Иногда они обращали внимание на меня, и кричали: Вадим, Вадим!

Да, меня зовут Вадим Хохловский. Я всегда сижу у этого окна и смотрю на окружающий мир. Он очень интересный и необычный! Каждый день не похож на другие! Один вбегает счастливый, будто выиграл лотерейный билет, другой, тяжело и понуро, с монотонно звучащими каплями дождя, заползает, рождая тысячи... нет, тут я переборщил множеством недовольных и озабоченных лиц. Но кто-то радостен, несмотря на погоду, с улыбкой и гордо выпрямившись, распахнув парусом грудь, идет вперед, а кто-то даже в солнечный день, укутанный пеньем утренних птиц, идет с изгрызенным мрачно-задумчивым лицом, как некая игрушка, один раз и навсегда заведенная и у которой только один коридор — тоска! Каждый день тут происходит что-то неожиданное и необыкновенное. Именно поэтому я всегда сижу в удобном кресле у окна. Я не могу ходить, врачи говорят, что это редкое заболевание и медицина бессильна. Что-то непонятное в моей голове не дает мне двигаться. Однажды я подслушал, притворился спящим, врач говорил маме, что мои извилины атрофируются, распрямляются, и вскоре я совсем стану дебилом. Но это не правда! Я мыслю!

Я очень много мыслю! Я очень много думаю и умею! Я даже ушами могу шевелить! Правда, ходить... здесь он прав. Не могу. Но ведь это не главное! Главное, что я чувствую, что живу полноценной жизнью, и даже лучше многих! Ничего и ничто не ускользает от моего взгляда! Зимой, когда идет снег, люди кутаются в шубы, весной поют птицы и большая ветка яблони рядом с окном зацветает множеством белых цветочков. Я насчитал сто двадцать семь. Хотя, может их больше. Это повторяется из года в год, но мне всегда интересно, как набухают почки, потом появляются цветы, потом яблоки!

Однажды какой-то парень начал трясти ее, и я попытался его остановить. Жаль, что с речью у меня не все в порядке, и иногда вместо слов у меня вырывается только мычание. Но парень меня понял и убежал. Обозвал нехорошим словом и убежал. Но я не огорчился. Есть такая вещь, что всегда поддерживала меня. Даже когда приходили врачи и говорили, что жить мне останется полгода, что я совсем стану дурным.

Когда с нами жил папа, он сказал: «Сынок, здесь находится центр мира».

— А что такое центр мира? — спросил я.

— Это... — он тогда задумался, — такое замечательное место, где всем и всегда будет хорошо. Это самое важное место в мире. Это место, где живешь ты. Только верь, что ты солнце, которое всем подарит тепло, радость и свет! Дари! Тогда здесь всегда будет свет, радость. Это место самое важное!

Тогда я еще бегал на своих ногах и хорошо говорил, но этого я уже не помню. Потом... Потом все изменилось. Мы с отцом переходили дорогу, папа отвлекся, я побежал вперед, мне так хотелось его обогнать и первым добежать до другой стороны дороги. Но... я помню, как завизжали тормоза. Меня ударила машина... и с тех пор я не хожу. Я очень испугался. С тех пор я сижу здесь. У окна. Мне шестнадцать. Я почти не могу говорить. Передвигаюсь с маминной помощью в инвалидной коляске. Но я думаю, что живу хорошо, ведь я живу в Центре мира! А папа сказал, что здесь живут счастливые люди! И я всегда помню об этом и очень счастлив! А это главное.

С прошлого года, почти сразу как починили скамейку, в нашем подъезде поселилась соседка Катя. С родителями. Девочка. Ей тоже шестнадцать. Она очень красиво одевается и очень гордая. Постоянно любит себя. Однажды я увидел, как она вышла из подъезда, это было этой весной, как только солнышко стало выглядывать и растаяли снега, достала из своей бардовой сумочки зеркальце и стала рассматривать себя. Меня она не заметила, и, наверное, поэтому стала подкрашивать губы. А потом... потом она увидела меня. Вначале смутилась, а потом показала язык. И я ей тоже показал язык. Пусть знает, что я тоже не лыком шит! Она рассмеялась таким звонким смехом, что я подумал, что с голосом у нее что-то не так, но этого не сказал. Она же кинула зеркальце в сумочку и пошла довольная. Теперь она, постоянно выходя по утрам, оглядывается. Вначале она показывала язык, а я ей в ответ, а потом она стала улыбаться и махать доброжелательно мне рукой. Я не знаю, когда это произошло, но каждый день она выходит из подъезда и машет мне рукой, или показывает язык. Или корчит рожицы, а я ей улыбаюсь и тоже показываю язык! Однажды утро было дождливым, я проспал. Она ушла и не помахала мне рукой. И даже в обед, примерно около двух часов, она возвращалась из школы, я ее не увидел. Мама уехала далеко. На базар. За покупками. И от этого мне было особенно грустно. Даже борщ, что приготовила мама, есть не хотелось. Я попросил маму, чтобы она сажала меня к окну пораньше. Мама некоторое время злилась, мол, надо спать еще, но потом согласилась. Оказалось, что я очень многое пропускаю: я выяснил, что у соседа Петра Петровича, несколько полноватого, низенького с лысинкой мужчины, есть собака и каждое утро он выгуливает ее. Вообще мама у меня очень хорошая и добрая. Только иногда злится. Как-то она видимо думала, что я не слышу. Она говорила с кем-то по телефону, что ее сын, то есть я, очень болен и что мне хуже день ото дня. Что я становлюсь все глупее и глупее. Но я знаю, что это совсем не так. Она просто не видит

ничего хорошего в жизни. Вокруг так много интересного! Это нужно только увидеть! Жизнь похожа на храм, в котором ты сам себе создатель и от тебя зависит, какими картинами ты распишешь его. А еще у мамы сидит внутри злой зубной техник... точнее, врач. Когда я о чем-то ее прошу, она кривится как от сильной зубной боли или плачет кому-то по телефону, как ей тяжело, и как она устала от всего этого... чего этого — она обычно не говорит. Но это было раньше. Теперь она уже не скрывает своей неприязни ко мне, говорит, что ее сын, то есть я, дурак и дебил. Но она сама дура! Зачем кому-то говорить обо мне такие обидные слова?! А один раз даже сказала, что лучше бы меня тогда задавило. И у них, у папы с мамой, было бы все хорошо. Она родила бы другого мальчика, и он бы только радовал ее. Но я так не думаю.

Я — лучше!

Я самый замечательный сын на свете!

Я помню, что сказал папа. Дари свет! И я делаю это.

Я — свет и радость!

Я очень люблю свою маму. Люблю несмотря ни на что. Даже когда она ругается. Раньше мы даже с ней играли в интересную игру. Я говорил ей: Люлю. И она повторяла это. Всего одна пропущенная буква в люлю. Но в этом что-то было. И так, пока нам не надоело. Не знаю, почему и когда мы перестали играть в эту игру. Что-то сломалось. Мама стала другая, какая-то злая и озабоченная. Как-то она сказала, что если б знала, то сама зарыла бы меня в землю. А ночью мне приснился страшный сон, будто мама кинула меня в яму и засыпала землей. Потом появилась еще одна мама, и они стали лопатами засыпать меня. Но дело двигалось медленно, и появилось еще несколько мам, и они стали сыпать на меня землю. И тогда я закричал. Я проснулся, а рядом была мама. Она включила свет и сказала, что все хорошо. Что все будет в порядке. Я успокоился и уснул.

А еще у меня есть друг — Димон. Он приходит ко мне в гости, и мы играем в шашки. Но на самом деле больше просто болтаем. Точнее он болтает, а я просто киваю ему в ответ головой. Мол, все понятно. Но наша излюбленная тема — Центр мира. Когда я был маленьким, папа сказал, что где я, там и Центр мира. И даже перекрестился в доказательство. Но я бы ему и так поверил, ведь он — мой папа. Теперь я всем говорю, что здесь, в городе М, центр мира. Только мама говорит, что это неправда. Мираж. А когда узнала, что это сказал папа, то обозвала его сказочником. А потом сказала, что он подлец и дурак. Но больше всего дурак. И я тоже такой же дурак, как и папа! Но я-то знаю, что это не так. Папа прав. Я знаю это абсолютно точно! Даже когда мы до хрипоты спорим с Димоном. Дима говорит, что центр мира где-то в Европе, на каком-то холме. Это, мол, вычислили все эти... как их... которые карты рисуют. Но я говорю, что, если папа сказал, Центр мира тут, значит так все и есть.

— Центр мира там, где я есть! — снова и снова утверждаю я, и он сдается. Обычно проспорив, он начинает собираться по делам. Куда он идет? Ведь здесь центр мира и все самое важное происходит здесь! Здесь! Однажды я увидел, как он выходил с Катей из подъезда, и в тот раз Катя мне не помахала рукой. Мне было в тот день особенно грустно. Только я понимал, что сделать ничего не могу. В следующий раз он пришел и по секрету рассказал, что целовался с очень классной девочкой. Супер ДеФФФФФонкой. Именно так, с большим фырчанием, он говорил обо всех девочках. Он уже с несколькими целовался. Только потом, как самый крутой парень в школе, их бросал. Они оказывались или слишком глупыми, или слишком умными, или толстыми, или наоборот худышШШШками, как он говорил. А ему, настоящему мачо, нужна настоящая девушка с... он тогда оглянулся, нет ли поблизости моей мамы, и прошептал такие слова, что я невольно покраснел. Да, ему можно было только позавидовать.

Я тогда прямо спросил:

— Ты целовался с Катей?

Он тогда гордо расправил свою грудь, достал свою деревянную расческу из стоящего дуба, с какими-то знаками, приносящими удачу, и стал расчесываться. Он всегда так делает, когда волнуется. Немного помедлив, он наконец-то выдал:

— А ты как думаешь?!

Хвастаться он мастак. Только я думаю, что на этот раз он говорит правду. Только мне нужен громоотвод. Его слова — как неожиданность в небе. И тут его прорывает, мамы как раз не было дома, и он как глашатай провозглашает аксиомы.

— Все девушки готовы бегать за мной! У меня мышцы! — он показывает мне свои могучие бицепсы. Девушки любят парней с бицепсами! Мне становится грустно. Только не от того, что он гуляет с Катей, просто такие парни, вроде его, лишь красивое приложение к девушке. Девушки любят все эффектное! Генералиссимуса среди других подростковых тел, с которым бы они смотрелись великолепно, и все остальные девушки завидовали им. Но надолго ли? Будут ли они гулять с ними или им нужен кто-то еще кроме этой груды мышц? Дима горд и самоуверен. Сказать ему это... я просто не хочу терять друга. Правда в моем случае может оказаться роковой.

Дима пришел на следующей неделе грустный. Он увидел, как она разговаривала с Петькой из десятого «Б». И это трагедия. Для нее! К нему клеится Татьяна, Лена, а еще... и он не намерен терпеть Катини выходки.

— Тебе хорошо,— говорит он мне,— никаких переживаний. Сиди себе и ешь! Смотри в окошечко! Никто ничего не требует. Никаких страстей! А я... страдаю.

Я сочувствую своему другу, я сочувствую Кате. Я видел, как она выходила в последний раз из подъезда и даже не остановилась, не оглянулась назад. Я понимаю ее. Я понимаю его. Мне очень грустно, что мои друзья не могут найти общего языка.

А сегодня пришла мама очень расстроенная. Три часа назад она пошла в магазин, и только вернулась. Принесла пакет молока и две пачки печенья. Молоко она выпила почти все сама. Чтобы, как она сказала, успокоить нервы. Потом спохватилась, я не кормленный, и разогрела в микроволновке кашу. Покормила. Потом взяла телефон и стала с кем-то разговаривать. Она говорила так громко, что слышно было даже здесь. Потом она пришла в комнату и стала говорить: ну и ладно, ну и черт с тобой, раз ты такой... все кончено! Посмотрела на меня и сказала:

— Хорошо, что ты такой больной, и не вырастешь таким козлом и подлецом.

Потом ушла в другую комнату, налила в бокал коньяк, он у нее всегда есть, и стала с кем-то говорить.

Она часто ругает. Сильно ругает мужчин. Они все время у нее в чем-то виноваты. Они не делают то, что она хочет. Они не делают, так как надо делать. А ведь она знает, что надо делать; она говорит им, а они все равно пытаются делать по-своему. Неправильно!!! А раз они такие, значит пусть идут в баню!

Сегодня она ругает мужчин особенно сильно. Она знает, что и как делать, а мужчины нет. Она перечисляет его, Ивана, недостатки с точностью опытного статиста с эмоциональными нитками недовольства. Только сегодня мама не посылает его куда-нибудь. Ни далеко, ни близко, ни в плохое место. Она говорит, что в нем что-то есть. А потом удивляется: и как все плохое уживается, где есть такое хорошее? Она сегодня буйнит особенно сильно. Она ругает его! Она обвиняет его во всех недостатках и грехах!

— Он считает, что пуп земли! Пуп, ты понимаешь? — кричит она в трубку,— но он совершенно не такой! Он просто человек! Длжен вокруг меня вертеться, как планеты вокруг солнца! Я центр вселенной для него! А он...

Я слышу, как она плачет.

Я думаю, что моя мама влюбилась. Человеческая душа попадает в бурьян периодически. Иногда она просто хочет быстрее выбраться оттуда. Но иногда готова выкорчевать сто сорняков ради одного цветка.

Я знаю это. Абсолютно точно.

Наступил новый день. Без радости. Без ставшего привычным для меня энтузиазма. Катя сегодня вышла из подъезда и не оглянулась. Это странно. Она всегда такая радостная и веселая. Только сегодня кто-то повесил ей гири на ноги. Зато пришел довольный Димон.

— Я расстался с Катей — навсегда!

Он играет бицепсами перед нашим большим зеркалом. Говорит, что закрутит с Леной, она не такая самовлюбленная и гордая, как Катя! Жизнь становится все интереснее и интереснее. Жизнь сложная штука и в ней сложно разобраться. Я не знаю, что произошло у них с Катей, но мне от этого становится грустно. Очень грустно. Меня уже не радует свет солнца и пение птиц. Я не понимаю, что со мной происходит.

Сегодня я проснулся с очень неприятным чувством. Попросил маму посадить меня к окну. На дворе что-то происходит. И что-то очень нехорошее. Возле нашего подъезда много людей. Все хмурые и недовольные.

— Это умерла наша соседка,— поясняет мне мама.— Катя Шаропаева. У нее остановилось сердце.

— Как это умерла? — переспрашиваю я.

Мама сегодня на диво терпелива. Она объясняет:

— Теперь Катя не будет дышать и ходить.

Значит, она больше не будет ходить возле моего окна? — переспрашиваю я растерянно.

— Да, смерть — это плохо,— поясняет мне она.— Говорят, любовь у нее была. Несчастная. Она наглоталась таблеток, и сердце ее остановилось.

Мне становится неуютно.

Мама говорит, что ей некогда, у нее за этими разговорами выкипит борщ, а меня надо кормить. Она уходит, оставляя меня с моими мыслями. Мне от них становится очень больно. И как-то самому защемляет сердце. Я очень не хочу, чтобы Катя умирала. Я хочу, чтобы она, как всегда, выходила из подъезда и, улыбаясь мне, махала рукой! А потом убегала куда-то по делам. Девичьим. Мне от этого очень грустно, потому что уходят все, кого я очень люблю. Первым был папа. Мама сказала, что он ушел к другой женщине, бросив нас, и для нас он уже умер. Теперь он живет с другой... только я как-то не понимаю, как это он умер и одновременно живет?

Тут заиграла музыка, и я снова выглянул в окно. Из подъезда вынесли деревянный ящик, в котором лежала Катя. И вдруг мне стало так горько... в моей голове все помутилось, и в глазах побежали солнечные зайчики. Как тогда, когда Димон взял зеркальце и стал пускать солнечные зайчики мне в лицо. Так мы и познакомились. Потом подружились. Но сейчас... сейчас я очень не хотел, чтобы Катя умирала. И я встал. Мама запрещает мне вставать. Потому что, когда делаю шаг, я падаю, но я почему-то в этот раз встал и пошел. Открыл входную дверь, мы живем на первом этаже, и вышел. Я шел, и люди расступались предо мной. Катю уже хотели в этом ящике поставить на машину, но я закричал:

— Нет!!!

Все оглянулись на меня.

Я сказал, что хочу посмотреть.

Какая-то женщина в черном платке как-то странно посмотрела на меня. Но мужчина, среди которых был мой друг Василий, который пьет с друзьями и махает мне руками, молвил:

— Надо поставить.

И все мужчины, что его держали, опустили ящик прямо на асфальт. Мокрый асфальт после вчерашнего дождика.

И все, кто был, я их ощущал всех и сразу, все смятение растерянность, боль и удивление, и тоску, скорей бы все это закончилось, уставились на меня.

Она была очень красивая. Катя сложила руки на груди и не шевелилась. Лицо ее было чистым и очень спокойным. И тогда я согнулся и дотронулся до нее.

— Встань, я хочу, чтобы ты жила.

Женщина, что была в черном платке, заплакала:

— Мертвые никогда не встают.

И тут все закричали, и поднялся невообразимый шум. Я понял, что что-то изменилось, и посмотрел на Катю. Катя сидела в ящике, и глупо хлопала глазами. Они мне всегда нравились. Они были большие, и с длинными черными ресницами. Потом Катя встала и стала растерянно оглядываться. Люди размахивали руками, плакали, смеялись. Маленький и толстенький сосед, который гулял с собакой, прошептал: «доченька» и упал. А женщина в черном платке стала бить его по щекам, пока он снова не открыл глаза, которыми он стал хлопать также, как Катя.

И тогда я снова посмотрел на Катю, растерянно оглядывавшуюся вокруг и, протянув руку, сказал:

— Здравствуйте!

Она как-то глупо улыбнулась, протянула мне руку и сказала:

— Здравствуй, Вадим!

И тогда тетка в черном платке упала на землю, и этот толстый, лысый дядька, что гуляет с собакой, стал бить ее по щекам, пока она не открыла глаза. Но мне это было уже не интересно. Я задал Кате вопрос, который мучил меня столько лет.

— Ты знаешь, что именно здесь находится Центр Мира?

Она как-то очень серьезно посмотрела на меня и сказала:

— Да. Это верно.

И я подумал, что она меня очень любит, если согласна. И она тоже Центр мира. Во мне... Как я в ней. Для всех.

Она любит меня. Я знаю это. Абсолютно точно.

Мы центр мира.